РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ТРИНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

БЮЛЛЕТЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◊ МОСКВА ◊ 1924

Итак, *был брошен* лозунг: „уклон к меньшевизму“. Потом этот лозунг *был развит*.

Дальше появляется открытое письмо тов. Троцкого. По этому вопросу ЦК должен был делать не то, что он делал. Здесь он сделал ошибку, вредную для партии, — ошибку, последствия которой мы в настоящее время недостаточно еще можем учесть. Если ЦК считал, что тов. Троцкий нарушил соглашение, выступив с таким комментарием резолюции от 5-го декабря, то ЦК должен был чисто-формально выйти из создавшегося положения, собрать Политбюро и вынести формально решение по этому вопросу и поставить об этом в известность партию. Мы видим, как события здесь развертываются стихийно. Выступает с письмом тов. Сталин. Никто не знает, выступает ли он в качестве секретаря ЦК или просто как старый большевик. Далее, начался процесс известного совлечения одежд заслуг со многих членов ЦК, накопленных на протяжении последних 6—7 лет. Вслед за выступлением тов. Сталина стали совлекать одежды с других членов ЦК, напоминать им Октябрь и т. д. В результате получилось общее дискредитирование членов ЦК поодиночке. Зачем это надо было делать? Разве вы не могли решить этот вопрос в порядке формального постановления со стороны ЦК? Вы должны были это сделать, а вы вместо этого пошли в рукопашную — один член ЦК с другим—и поставили партию перед серьезными осложнениями в этой дискуссии. То, что было сделано со стороны ЦК, было ошибкой; последствий и здесь он не предвидел.

Перехожу к основной ошибке, которую Политбюро допустило персонально по отношению к т. Троцкому. У меня мало времени, чтобы ответить по существу целого ряда других вопросов, которые здесь возникают. Я считаю основной ошибкой, допущенной Политбюро персонально по отношению к т. Троцкому, то, что ЦК в нашей большевистской среде третирует т. Троцкого, как чужака. При таком отношении невозможна совместная работа. Это надо ясно и твердо понять, потому что в нашей партии по отношению к товарищам, которые играют исключительную роль, и которые нужны для нашей партии, должно поступать, не как членам Истпарта, а как политическим деятелям, руководителям партии, поступать так, как поступал в аналогичных случаях т. Ленин Здесь мы видим в гораздо большей степени стихию чувств и воспоминаний, чем политический расчет вождей партии, которые должны знать, что они в этом вопросе должны ставить на первый план политический интерес. Тов Ленин в письме (почему-то до сих пор неизвестном партии) относительно нац. вопроса сказал, что озлобление в политике является самым последним делом. И здесь мы имели перед собой стихию, породившую тот тон, которым проникнута розданная вам брошюра. Он на рядовых членов партии должен был бы произвести тяжкое впечатление. Создавшееся здесь положение привело к тому, что товарищи делают основную, грубейшую ошибку, которой не допустил бы тов. Ленин.

Следующий вопрос, затронутый дискуссией, — это вопрос относительно большевизма и меньшевистского уклона в организационном вопросе. Здесь должна быть полная ясность. То, что было предпринято с полемическими целями, идет целиком вразрез с историей всей нашей партии. Мы должны ясно поставить вопрос: для чего мы в настоящий момент апеллируем к партийному прошлому в полемических целях? Товарищи силятся повторением слова „ленинизм“ доказать, что бюрократизм в нашем аппарате в 1923 г. можно оправдать ссылкой на историю нашей партии. А я говорю, что история нашей партии является решительным осуждением всякого бюрократизма. Какой бюрократизм мы имели в подпольных организациях? Никакого. Когда

начал нарастать бюрократизм? В период военный—раз, и расцвел вполне в период нэп'а—два. И этот короткий период в истории нашей партии многие из товарищей, консервативно мыслящих и действующих, возводят в идеал в смысле внутренней организации нашей партии, совершая тем самым полное извращение исторических перспектив. Мы должны отвергнуть все это, как клевету на большевистскую партию, как проявление аппаратного консерватизма, с которым необходима решительная борьба. Оставить вопрос на уровне этой политики совершенно невозможно. Подойдем глубже к вопросу, поставим вопрос об истории нашей партии в действительном ее освещении,—и мы, старые большевики, не стоящие за бюрократизм в 1923 году, докажем, какое здесь противоречие. Большевизм по самой своей природе противоречит бюрократизму. Он связан с массами, он активен и действенен, часто меняет тактику, он не может допустить того постепенного окостенения, которое начало намечаться в аппарате партии. Аппарат прекрасно налажен в смысле выполнения предписаний сверху и т. д.

Коссиор. А Кронштадт?

Преображенский. Тов. Коссиор, нельзя делать такие сравнения! Таким образом, бюрократизм антибольшевичен, противоречит существу структуры нашей партии. А когда с нами ведут борьбу при помощи такой аргументации, то все это имеет только один смысл: вы приводите всю историю нашей большевистской партии для того, чтобы оправдать и защитить несколько десятков или сотен бюрократов в нашем аппарате. Так вы ставите вопрос.

Тов. Ленин учил нас: ни одной истины не бери отдельно, изолированно от остального. А применительно к вам теперь это значит: то, что является истиной в ваших утверждениях, взятых самих по себе, то может защищать неверную позицию практически. Вот пример. Мы костяк нашей партии подбирали одновременно и сверху, и снизу. Это совершенно правильно. Был двойственный процесс. Но когда его извлекают с тем, чтобы в 23 году оправдать несколько сот бюрократов, а тем самым и усилить разрыв с массами, мы выступаем против такого способа проведения нового курса. Я утверждаю, что вся провинция была запугана насчет единства партии, насчет раскола, который на самом деле грозит партии гораздо больше со стороны большинства ЦК чем со стороны кого бы то ни было другого. За 6 лет в нашей партии ни одна группа из партии не выходила. И совершенное безумие думать, что кто-то может выйти из партии. Вопрос об единстве партии поставлен таким образом, как-будто мы собой представляем раскольников. Такой постановкой вопроса вы, в сущности говоря, ввели в заблуждение всю нашу провинцию, напугали всю нашу партию.

Теперь я перехожу к последнему вопросу, к вопросу относительно партийных перспектив. И здесь для нас совершенно ясно, что назревает новая ошибка, которую хочет сделать ЦК и к которой конференция ни в коем случае не должна присоединяться. Ошибка эта заключается в следующем. Почему произошел процесс нашего отрыва от рабочей массы? Потому, что мы в процессе развития нэп'а имели самотеком развивающееся хозяйство, а внутри наших партийных организаций нарастал бюрократизм, — тот бюрократизм, то постепенное приспособление нашей партии и наших партийных организаций к советскому государственному аппарату, о котором говорил и т. Сталин. И если т. Сталин настаивает здесь на том, что он сказал здесь (против первой части его доклада почти нечего возразить), а именно, что наша партия, которая создала из своего партийного централизма централизм государственного аппарата, а потом

сама подверглась постепенному перерождению под давлением этого аппарата, — а это абсолютно верно, — то я предупреждаю вас, что та политика, которую вы в настоящий момент ведете по отношению к так-называемой оппозиции, вас снова приведет к тому самому положению, из которого мы вышли. Это совершенно неизбежно по логике всех крупных массовых движений. Почему так произойдет? Это произойдет вот почему. Если конференция согласится опубликовать тот пункт в резолюции, о котором говорил т. Сталин, если она согласится выдвинуть эту пушку, которая будет формально направлена против оппозиции, а по существу против документа 5-го декабря, против действительных усилий сделать поворот к новому курсу и к внутрипартийной демократии, которую, разумеется, никто из нас не фетишизирует, тогда получится то, что мы снова загоним партию в обстановку молчания и в мертвый штиль. Когда каждый выступающий будет расцениваться как оппозиционер, хотя бы он никакой связи — даже идейной — не имел с оппозицией, когда он будет квалифицироваться с точки зрения того, подходит ли или не подходит к нему в той или иной форме этот документ, то мы загоним партию в обстановку мертвого штиля, а осуществление тех задач, которые поставлены перед партией резолюцией 5-го декабря, будет отодвинуто на неопределенный срок. Отрыв от рабочих масс и рабочих низов нашей партии, который произошел, не будет ослабевать, наоборот, он будет усиливаться. Тов. Зиновьев на ряде собраний анализировал состав нашей партии, указывая на огромную специализацию и на слишком пестрый ее состав в разных отношениях. За предыдущий период создалось такое положение, при котором 18.000 членов нашей партии, — товарищей, входящих в аппарат, минус те, которые не играют ответственной роли, в порядке этой самой специализации оказались ответственными за всю партию, за все организации. В результате получился их отрыв от остальной массы не только рядовых, но и ответственных членов партии, которые работают в других областях. Это — вреднейший процесс, который будет усиливаться, а не ослабевать, потому что линия, которую вы наметили для борьбы с оппозицией, неизбежно, автоматически к этому ведет. Мы имели целый ряд фактов, которые показывают, что ЦК вступил на тот путь, который ведет неизбежно, к срыву нового курса.

Сталин. Этот пункт принят на X Съезде.

Преображенский. Я не возражаю против того, что он принят на X Съезде, и что партия этот пункт должна принять к сведению. (Смех). Я возражаю против того, что вы опубликовываете этот пункт в определенный момент — в январе 1924 года — с определенной целью. Тов. Сталин, вы — искусный политик, вы должны прекрасно понимать, какой смысл это имеет против определенной части нашей партии, которая выполняла необходимые функции в партии, предупреждая от опасностей старого курса. Это — определенное орудие, и им вы запугиваете всю партию целиком. Вы отбрасываете партию на старые позиции. Я на партийных собраниях многое вижу, много выступаю, получаю много записок от рабочих от станка; пишут люди, наблюдающие процессы в партии, а вы, если их и видите, то неправильно оцениваете положение внутри партии. ЦК партии, выдвигая артиллерийское орудие, начинает политику смещения в тот момент, когда это смещение носит характер исключительно механического подавления общественного мнения известной части партии. Вы снимаете товарища Мрачковского из Самары, вы снимаете Антонова-Овсеенко. Это есть признак, что вы начинаете с конца, с перебросок; это — то самое „оздоровление“, которое поставило нас перед стачками в июле и в августе, и поставит перед новыми пар-

СОДЕРЖАНИЕ.

Заседание первое.

Заседание второе.

Заседание третье.

Заседание четвертое.